

Генеральная Ассамблея

Шестьдесят вторая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
4 December 2007

Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 22-м заседании,

состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, в четверг, 1 ноября 2007 года, в 15 ч. 00 м.

Председатель: г-н Тулбуре (Молдова)

Содержание

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят девятой сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza), и вноситься в экземпляр отчета.

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

Заседание открывается в 15 ч. 10 м.

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят девятой сессии (продолжение) (A/62/10)

1. Г-н Броунли (Председатель Комиссии международного права), представляя главы IV, V и IX доклада Комиссии (A/62/10), отмечает, что вопрос об оговорках к договорам, являющийся предметом главы IV, включается в программу работы Комиссии с 1993 года. В 2007 году Комиссия приняла девять проектов руководящих положений, которые касаются установления объекта и цели договоров и несовместимости оговорок с такими объектом и целью.

2. В проекте руководящего положения 3.1.5 излагаются условия, при которых оговорка будет несовместима с объектом и целью договора, – то есть, если она затрагивает существенно важный элемент договора, необходимый для его общей структуры, таким образом, что подрывает смысл существования договора. Термин "существенно важный элемент" следует рассматривать с учетом самой цели оговорки, определенной ее автором, и он не обязательно ограничивается каким-либо отдельным положением. Это могут быть норма, право или обязательство, имеющие существенно важное значение для "общей структуры договора". Это последнее выражение должно отразить равновесие между правами и обязательствами, составляющими суть договора или общую идею, лежащую в его основе. Формулировка проекта статьи 3.1.5 имеет целью установить приемлемое равновесие между необходимостью сохранения целостности договора и стремлением содействовать как можно более широкому участию в многосторонних конвенциях. Она скорее указывает направление, нежели устанавливает четкий критерий, который может быть применен во всех случаях. Соответственно, представляется целесообразным дополнить ее двумя способами: попытавшись указать методы установления объекта и цели договора, что стало предметом проекта руководящего положения 3.1.6, и более ясно проиллюстрировав эту методологию посредством ряда примеров, что отражено в проектах руководящих положений 3.1.7–3.1.13.

3. Выработать единый комплекс методов установления объекта и цели договора очень трудно, и некоторая доля субъективизма при этом неизбежна. Договор должен толковаться как единое целое,

добросовестно, во всей его полноте, в соответствии с обычным значением, которое придано используемым в договоре терминам в их контексте, включая преамбулу, а также с учетом практики и, когда это уместно, подготовительных материалов и обстоятельств заключения этого договора. Таковы параметры, заложенные в основу проекта руководящего положения 3.1.6, в котором отчасти воспроизводятся формулировки статей 31 и 32 Венских конвенций.

4. Комиссия пришла к заключению, что составить исчерпывающий перечень потенциальных проблем, которые могут возникать в связи с установлением совместимости оговорки с объектом и целью договора, почти невозможно. Она считает необходимым рассмотреть конкретные ситуации, которые могут возникать на практике. Этим цели служат проекты руководящих положений 3.1.7–3.1.13, которые носят иллюстративный характер.

5. Руководящее положение 3.1.7 касается вопроса о неясных или общих оговорках. Требование в отношении точности формулировки оговорок вытекает уже из самого их определения. Хотя "сквозные" оговорки встречаются достаточно часто, они действительны только при условии, что преследуют цель исключить или изменить юридическое действие договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов. Государства вправе формулировать оговорки, но другие стороны должны иметь возможность реагировать на них, либо признавая соответствующую оговорку, либо возражая против нее. Это невозможно сделать, если текст оговорки не позволяет определить сферу ее действия, как это нередко случается, когда оговорка требует применения норм внутреннего права того или иного государства.

6. В проекте руководящего положения 3.1.8 подчеркивается тот принцип, что оговорка к положению договора, которое отражает обычную норму, не является *ipso jure* несовместимой с объектом и целью договора. Нормы общего права сохраняют обязательную силу для государств независимо от выражения ими согласия с той или иной договорной нормой, хотя государства и могут уклониться от их выполнения на основе договоренности между собой; сделать это они могут посредством оговорки при условии действительности последней. Однако оговорка касается лишь применения соответствующей нормы в контексте данного договора, а не ее существования как нормы обычного права. Отсюда

следует, что государства остаются связанными этой обычной нормой вне зависимости от договора, хотя государство может отказаться от применения в рамках договора такой нормы, которая не налагает на него обязательств в силу общего международного права.

7. Тем не менее, обычный характер положения, к которому делается оговорка, имеет важные последствия с точки зрения производимого этой оговоркой действия. Как только оговорка сформулирована, она останавливает применение договорной нормы в отношениях между государством, сформулировавшим оговорку, и другими сторонами данного договора, однако она не освобождает это государство от его обязательства соблюдать соответствующую обычную норму. Определенную сложность формулировки пункта 2 проекта руководящего положения 3.1.8 можно объяснить разнообразием *ratione loci* обычных норм: некоторые из них могут иметь всеобщее применение, тогда как другие действуют лишь на региональном уровне и только на двустороннем уровне.

8. Проект руководящего положения 3.1.9, озаглавленный "Оговорки, противоречащие норме *jus cogens*", является компромиссом между двумя позициями, которые заняли члены Комиссии. По мнению одних, императивный характер нормы, к которой относится оговорка, делает эту оговорку недействительной, по мнению других, следует исходить из логики, лежащей в основе проекта руководящего положения 3.1.8, и необходимо признать, что подобная оговорка не является недействительной сама по себе, в том случае, если она касается лишь какого-то аспекта положения договора, в котором фигурирует обсуждаемая норма, и не затрагивает саму норму. Было достигнуто общее согласие в том, что оговорка не может иметь никаких последствий для содержания императивных обязательств, вытекающих из нормы *jus cogens*. Именно этот консенсус нашел отражение в проекте руководящего положения 3.1.9.

9. Это руководящее положение охватывает также случаи, при которых, несмотря на то, что ни одна норма *jus cogens* не отражена в договоре, оговорка требует, чтобы договор применялся таким образом, чтобы коллидировать с нормой *jus cogens*. Некоторые члены Комиссии выразили мнение, что проект руководящего положения 3.1.9 в большей степени затрагивает последствия оговорки, нежели их действительность, и что он оставляет открытым вопрос о материальной действительности оговорки к

положениям договоров, в которых отражены нормы *jus cogens*.

10. Проект руководящего положения 3.1.10 охватывает оговорки к положениям, касающимся прав, не допускающих отступлений. Вопрос об оговорках такого рода весьма сходен с вопросом об оговорках к договорным положениям, отражающим императивные нормы общего международного права. Однако положения, не допускающие отступлений, и нормы *jus cogens* не всегда бывают абсолютно идентичными. Не допускающий отступлений характер права, защищаемого договором по правам человека, свидетельствует о том значении, которое придают ему договаривающиеся стороны, и из этого следует, что любая оговорка, направленная на исключение применения такого права, будет, вне всякого сомнения, противоречить объекту и цели этого договора. Однако из этого не следует, что не допускающий отступлений характер права сам по себе препятствует формулированию оговорки к положению, закрепляющему соответствующее право, при условии, что она касается лишь некоторых ограниченных аспектов, связанных с осуществлением этого права.

11. Тем не менее, здесь необходимо проявлять крайнюю осторожность, именно поэтому, формулируя проект данного руководящего положения, Комиссия постаралась не создавать впечатления, будто она вводит дополнительный критерий допустимости в отношении оговорки. Упомянутая в проекте статьи оценка совместимости касается связи оговорки с "существенно важными правами и обязательствами, вытекающими из этого договора", или, иными словами, ее последствий для "существенно важного элемента договора", что в проекте руководящего положения 3.1.5 определяется как один из критериев для оценки несовместимости с объектом и целью договора.

12. основополагающий принцип проекта руководящего положения 3.1.11, которое относится к оговоркам, касающимся внутреннего права, заключается в том, что государство не должно использовать свое внутреннее право в качестве предлога для фактического непризнания какого-либо нового международного обязательства, даже в тех случаях, когда цель договора состоит в изменении практики государств-участников. Термин "конкретные нормы внутреннего права" используется в широком смысле и включает обычно-правовые или судебные

нормы, а не только писанные нормы конституционного, законодательного или подзаконного характера.

13. Проект руководящего положения 3.1.12 содержит критерии для оценки действительности оговорок к общим договорам по правам человека, сочетающие три элемента, которые могут быть полезны в этих целях: неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность прав, излагаемых в договоре; значение права или положения, которое является предметом оговорки, в общей структуре договора; и серьезность воздействия на него оговорки.

14. Проект руководящего положения 3.1.13 относится к оговоркам к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или наблюдения за осуществлением договора. Обзор правовых прецедентов по данному вопросу побудил Комиссию напомнить, что формулирование оговорок к договорным положениям как таковое не исключается при условии, что такое урегулирование или наблюдение не составляет цель договора, к которому делается оговорка. Вместе с тем, Комиссия указывает, что государство или международная организация не может умалить свои существенные договорные обязательства, принятые ранее, сформулировав оговорку к договорному положению, касающемуся урегулирования споров или наблюдения за осуществлением договора, в момент признания им этого положения.

15. Комиссия приветствовала бы ответы на четыре вопроса относительно оговорок к договорам, поставленные ею в главе III своего доклада. Особенно полезными для дальнейшего рассмотрения данной проблемы будут ответы на вопрос: "Какие выводы извлекают государства из констатации недействительности оговорки в силу одной из причин, перечисленных в статье 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов?"

16. Обращаясь к главе V доклада, касающейся общих природных ресурсов, оратор напомнил, что в 2006 году Комиссия приняла 19 проектов статей о праве трансграничных водоносных горизонтов, вместе с комментариями к ним. На своей пятьдесят девятой сессии Комиссия сосредоточила внимание на связи между работой над вопросами трансграничных водоносных горизонтов и любой будущей работой над нефтью и газом, а также учредила Рабочую группу по общим природным ресурсам для оказания Специальному докладчику по данному вопросу помощи в рассмотрении будущей программы работы.

17. В своем четвертом докладе (A/CN.4/580) Специальный докладчик констатировал, что надвигающаяся угроза кризиса со снабжением питьевой водой, который затронет сотни миллионов людей, в особенности в развивающемся мире, требует срочной выработки международно-правовой основы для разумного и справедливого управления водными ресурсами, международного сотрудничества, а также урегулирования споров. Поэтому оратор предложил Комиссии провести второе чтение проектов статей о праве трансграничных водоносных горизонтов в 2008 году и рассмотреть эту тему независимо от любой дальнейшей работы над нефтью и газом.

18. Специальный докладчик привел краткий обзор происхождения нефти и газа, истории современной нефтяной промышленности и эксплуатации месторождений нефти и газа, а также последствий такой эксплуатации для окружающей среды. Он выделил четыре соображения, которые указывают на необходимость выработки политики управления ресурсами грунтовых вод, отличной от политики в отношении нефти и газа: пресная вода является жизненно важным, не имеющим альтернативы ресурсом для человечества и основным элементом природных экосистем; разведка и добыча грунтовых вод осуществляются, главным образом, на суше, тогда как разведка месторождений и добыча нефти и газа в большинстве случаев ведутся в море; различные методы торговли ресурсами этих двух видов; кроме того, экологические проблемы, связанные с нефтью и газом, отличны от экологических проблем, касающихся грунтовых вод. Однако, поскольку нефть и газ часто присутствуют вместе в одной и той же коллекторной породе, Специальный докладчик предложил для целей любой будущей работы Комиссии считать их одним ресурсом.

19. Члены Комиссии в целом согласились с предложенным Специальным докладчиком обзором сходств и различий и с рекомендацией, чтобы Комиссия провела второе чтение проектов статей о праве трансграничных водоносных горизонтов и завершила его независимо от любой дальнейшей работы Комиссии над вопросами нефти и природного газа. Однако в отношении того, следует ли Комиссии вообще заниматься вопросами нефти и газа и если следует, то каким образом, были высказаны различные точки зрения. Некоторые члены Комиссии полагали, что к этому вопросу следует перейти лишь после того, как будет завершено второе чтение проектов статей о праве трансграничных водоносных горизонтов, и именно на этом этапе необходимо будет решить

вопрос о целесообразности рассмотрения вопросов, касающихся нефти и газа. Другие члены Комиссии, напоминая о том, что данная тема, первоначально задуманная в 2000 году, уже включала исследования по нефти и газу, не видят необходимости в дальнейшем обсуждении Комиссией вопроса о целесообразности рассмотрения этой темы и выступают за составление четкого графика, предусматривающего в первоочередном порядке начало работы над вопросами нефти и газа. Признавая сложность проблем, связанных с нефтегазовой отраслью, эти члены Комиссии отметили, что государствами накоплен достаточный опыт, который может быть взят за основу, и что разработка режима эксплуатации трансграничных месторождений нефти и газа обеспечит правовую ясность и определенность в этой области.

20. Что касается методики, которой необходимо следовать при рассмотрении проблем нефти и газа, то некоторые члены Комиссии отмечали, что уже наработан ряд аспектов права, касающихся трансграничных водоносных горизонтов, которые могут быть применены к нефти и газу, хотя в некоторых случаях содержание норм или обязательств может различаться. Однако другие члены Комиссии подчеркивали различия в характеристиках грунтовых вод и нефти и газа и считали, что потребуется другой подход, отмечая, в частности, что при разработке режима для нефти и газа существенно важное значение имеет принцип объединения отдельных участков месторождения в целях совместной разработки.

21. Некоторые члены Комиссии высказали предложение, что, прежде чем определиться с окончательной позицией в отношении целесообразности или нецелесообразности прогрессивного развития и кодификации права по нефти и газу, необходимо будет дополнительно провести ряд предварительных исследований практики государств, предпочтительно, с помощью Секретариата. Обсуждение этого вопроса далее было продолжено в Рабочей группе, которая постановила в качестве первого шага подготовить вопросник о практике государств для рассылки правительствам. В этом вопроснике, который уже был выпущен Секретариатом, содержатся, помимо прочего, вопросы относительно существования каких-либо соглашений, договоренностей или практики в отношении разведки и разработки трансграничных месторождений нефти и газа или наличия каких-либо иных видов сотрудничества по данному вопросу, включая соглашения о делимитации морских границ,

соглашения об объединении отдельных участков месторождений и совместной их разработке, а также иные договоренности. Секретариату было предложено также оказать содействие в выявлении экспертного потенциала в системе Организации Объединенных Наций, с тем чтобы предоставить справочную информацию научно-технического характера.

22. Переходя к главе IX, посвященной обязательству выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*), оратор сообщает, что Комиссия рассмотрела представленный Специальным докладчиком проект статьи по исследуемому вопросу, касающийся сферы применения будущего проекта статей по данной теме. Краткий обзор состоявшихся в Комиссии прений содержится в пунктах 353–368 доклада. Члены Комиссии, в частности, затронули вопросы, касающиеся источника обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование, его связи с универсальной юрисдикцией, объема этого обязательства и его двух составляющих, а также вопрос о передаче предполагаемого преступника международному уголовному трибуналу – то есть, так называемой "тройственной альтернативы", предложенной Специальным докладчиком.

23. Было выражено мнение, что вопрос об источнике обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование имеет центральное значение для темы. Некоторые члены Комиссии придерживались мнения, что данному обязательству присущ статус обычной нормы, однако полагали при этом, что точная сфера применения этого обычного обязательства нуждается в дополнительном прояснении. Ряд членов Комиссии считал, что следует сосредоточить внимание на выявлении преступлений, подпадающих под действие данного обязательства.

24. В том что касается объема исследуемого обязательства, выявилось расхождение взглядов относительно двух его элементов – "выдавать" и "осуществлять судебное преследование" – и взаимосвязи между ними. По мнению ряда членов Комиссии, удерживающее государство вправе решать, какую часть этого обязательства оно будет выполнять. Некоторые другие ее члены отмечали, что обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование может возникать в рамках различных сценариев, которые Комиссии следует учитывать. Члены Комиссии также предупреждали, что ей потребуется определить точное значение той части обязательства, которая обозначается с помощью термина "*judicare*", предостерегая при этом, что ей не

следует углубляться в анализ технических аспектов права выдачи.

25. Некоторые члены Комиссии указывали, что вопрос о передаче предполагаемого преступника международному уголовному трибуналу не должен рассматриваться в ходе ее работы по данной теме, однако, по мнению ряда других членов, Комиссии следует рассмотреть, по крайней мере, некоторые вопросы, связанные с передачей преступников, такими, например, как случаи, в которых обязанность передать какое-либо лицо международному трибуналу может парализовать обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование. Некоторые члены Комиссии подчеркивали, что, хотя обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование и концепция универсальной юрисдикции преследуют общую цель, их следует отличать друг от друга. Было высказано мнение, что Комиссии надлежит рассматривать вопрос об универсальной юрисдикции лишь в той мере, в которой она напрямую связана с исследуемой темой; кроме того, было предложено посвятить взаимосвязи между этими двумя понятиями конкретное положение в будущем проекте статей.

26. Члены Комиссии поддержали в принципе первый проект статьи, представленный Специальным докладчиком, но сделали ряд замечаний по его конкретным формулировкам, которые изложены в пункте 360 доклада. Замечания были также высказаны касательно предложений Специального докладчика в отношении статей, проекты которых, возможно, следовало бы подготовить в будущем. Поддержку получило предложение о том, чтобы в 2008 году Специальный докладчик представил систематический обзор соответствующих международных договоров в данной области. Было подчеркнуто, однако, что для рассмотрения темы требуется также провести сравнительный анализ национального законодательства и судебных решений. Соответственно, правительствам было предложено представить информацию в отношении их законов и практики, особенно наиболее современных, касающихся обязательства *aut dedere aut judicare*, а также прислать ответы на три вопроса, поставленные в пункте 32 доклада. Комиссия будет также приветствовать любую дополнительную информацию и мнения, которые правительства могут счесть имеющими отношение к рассматриваемой теме.

27. **Г-н Эренкрона** (Швеция), выступая от имени стран Северной Европы (Дании, Исландии, Норвегии,

Финляндии и Швеции), говорит, что тема оговорок к договорам носит в высшей степени практический характер, и страны Северной Европы придают ей большое значение, а ее рассмотрение в Комиссии пролило свет на ряд важных процедурных вопросов. Страны Северной Европы ожидают, что Комиссия обратится к наиболее интересному и важному аспекту этой темы, а именно, к вопросу о последствиях оговорок, которые были сочтены несовместимыми с объектом и целью договора. Чрезвычайно важно, чтобы все государства, которые становятся сторонами какого-либо договора, как минимум, были привержены его объекту и цели. Ратификация является выражением согласия быть связанным обязательствами по договору, а потому нельзя допускать, чтобы государство присоединилось к тому или иному договору, особенно нормативного многостороннего характера, и одновременно посредством оговорок аннулировало его ключевые положения. Такие оговорки должны считаться недействительными, как это явно вытекает из положений статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров. Для установления данного факта нет необходимости в высказывании возражений, и они должны рассматриваться лишь как один из способов привлечения внимания к такому факту. Особая роль в этом отношении принадлежит органам контроля за соблюдением договоров, однако и возражения по-прежнему играют важную роль, за исключением случаев, когда существует орган, уполномоченный классифицировать такие оговорки как недействительные. После того как оговорка признается недействительной, необходимо рассмотреть, как она воздействует на договорные отношения между государством, сделавшим эту оговорку, и другими договаривающимися государствами. В этой связи важные замечания были высказаны в ходе проведенного Комиссией совместного заседания с экспертами по правам человека, включая представителей органов контроля, для обсуждения вопроса об оговорках к договорам в области прав человека.

28. Все большее число государств, включая страны Северной Европы, развивает практику исключения недействительных оговорок из сферы договорных отношений между соответствующими государствами, и эта практика хорошо согласуется с положениями статьи 19 Венской конвенции. Когда речь идет о нормативных многосторонних договорах, возможность такого исключения служит цели содействия обеспечению их универсальности и цельности. В случае же двусторонних договоров это делает

договорные отношения возможными и позволяет вести диалог в режиме, установленном соответствующим договором.

29. Следует принимать во внимание намерение государства, делающего оговорку, в отношении связи между ратификацией и этой оговоркой. Если делающее оговорку государство не ставит в явной форме ратификацию в зависимость от сделанной оговорки, то следует презюмировать, что изначально выраженное согласие быть связанным нормами договора в качестве одной из его сторон имеет приоритет над оговоркой, так как последняя считается недействительной. При рассмотрении вопроса о том, следует ли допускать различия в подходе к последствиям недействительных оговорок в зависимости от характера договора, важно проявлять осторожность, чтобы не привести к дальнейшему подрыву единства договорного права. Специфический характер нормативных многосторонних договоров, таких как договоры в области прав человека, может, тем не менее, служить основанием для особого подхода.

30. Оговорки, которые делаются на позднем этапе, по-прежнему вызывают беспокойство стран Северной Европы и заслуживают дальнейшего рассмотрения и обсуждения. Запоздалые оговорки не должны считаться действительными просто потому, что ни одно государство не высказало возражений. Роль депозитария в отношении заведомо недействительных оговорок поможет обратить внимание договаривающихся государств на то обстоятельство, что оговорка была сформулирована слишком поздно, но этого может оказаться недостаточно.

31. Что касается темы общих природных ресурсов, то страны Северной Европы в основном удовлетворены проектами статей о праве трансграничных водоносных горизонтов и приняли к сведению предложение представить замечания по ним до 1 января 2008 года. Поскольку для государств исключительно важно не причинять вреда другим государствам, с которыми они делят водоносный горизонт, порог "значительного ущерба", о котором говорится в статьях 6 и 11, слишком высок и неоправдан. Кроме того, следовало бы усилить предупредительный подход, сделав в явной форме ссылку на принцип принятия предупредительных мер. Страны Северной Европы также удовлетворены сделанным Специальным докладчиком и поддержанным Комиссией предложением о том, чтобы второе чтение проектов статей по трансграничным

водоносным горизонтам было проведено в 2008 году и чтобы этот вопрос рассматривался независимо от любой будущей работы Комиссии над вопросами, касающимися нефти и газа. Проблемы управления грунтовыми водными ресурсами значительно отличаются от проблем, связанных с нефтью и газом, так же, как различны факторы воздействия на окружающую среду и коммерческие аспекты в этих двух сферах.

32. Что касается нефти и газа, то уже сложился обширный круг двусторонних соглашений и методик, связанных с объединением отдельных участков месторождений. Весьма отличен и правовой контекст, принимая во внимание существование общей системы морского права и более конкретных юридических норм и договоренностей, действующих на национальной и двусторонней основах. Необходим иной подход: разработка месторождений нефти и газа зачастую требует достаточно крупных инвестиций, а кроме того, существует обязанность сотрудничать и искать практические решения, выгодные для всех заинтересованных сторон, поскольку в противном случае эксплуатация ресурсов может оказаться экономически неоправданной ни для одного из государств. В двусторонних соглашениях можно отразить конкретные обстоятельства для каждого случая, а нормы более общего характера не позволяют легко находить необходимые конкретные практические решения. Поэтому будет более целесообразно, если Комиссия ускорит работу над другими темами. Страны Северной Европы сохраняют за собой право позднее заявить о своей позиции относительно целесообразности включения вопросов нефти и газа в работу Комиссии над темой общих природных ресурсов.

33. Что касается вопроса об обязательстве выдавать или осуществлять судебное преследование, то, по мнению стран Северной Европы, есть основания утверждать, что данное обязательство имеет или приобретает статус обычно-правовой нормы в отношении таких преступлений, как геноцид, преступления против человечности, военные преступления, пытки и преступления, совершаемые террористами. В своем проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 года Комиссия пришла к заключению, что геноцид, преступления против человечности и военные преступления должны подпадать под обязательство *aut dedere aut judicare*. Важность принятия государствами практического обязательства положить конец безнаказанности за эти преступления также отражена в

Римском статуте Международного уголовного суда, в основе которого лежит принцип комплементарности. В принятых под эгидой Организации Объединенных Наций антитеррористических конвенциях и протоколах содержится единообразно сформулированное обязательство *aut dedere aut judicare*, предусматривающее, что государство-участник, на территории которого находится предполагаемый преступник, должно либо выдать такое лицо, либо передать его дело своим компетентным органам для осуществления судебного преследования. Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности и последующие резолюции по вопросам терроризма также способствуют усилению этого обязательства, призывая все государства стать сторонами соответствующих правовых документов и категорически утверждая, что преступники, совершившие акты терроризма, должны привлекаться к судебной ответственности. Данное обязательство стало общим признаком современных конвенций в области уголовного права, однако его конкретные формулировки в них различны, и в соответствующих положениях обязательство не всегда четко выражено.

34. Комиссия поставила ряд вопросов о том, как государства представляют себе обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование, и связано ли оно с универсальной юрисдикцией. Независимо от того, является ли это обязательство договорным или обычно-правовым, оно, подобно универсальной юрисдикции, наделяет государство широкими правами осуществления юрисдикции, даже когда само преступление, лицо, его совершившее, или его жертвы с этим государством не связаны. В той мере, в какой можно считать, что принцип *aut dedere aut judicare* создает абсолютное обязательство осуществить экстерриториальную юрисдикцию в случае, если государство не выдает предполагаемого преступника другому государству (что не оговорено четко во всех конвенциях), этот принцип, тем не менее, следует отличать от универсальной юрисдикции из-за его императивного характера. Квазиуниверсальная юрисдикция, устанавливаемая согласно данному принципу, на практике может быть близка к принципу универсальности, особенно в случае юрисдикций, не признающих принцип субститутивного отправления правосудия. Распространение принципа универсальной юрисдикции на соответствующие преступления во многих случаях может оказаться эффективным способом выполнения обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование.

35. Содержание положений, в которых содержится обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование, следует толковать, исходя из контекста каждой конкретной конвенции. В конвенциях и протоколах по борьбе с терроризмом многократные отсылки к законам государства ясно говорят о том, что выполнение этого обязательства ставится в зависимость от усмотрения обвинительной власти соответствующего государства. Таким образом, речь не идет об обязательном наказании преступника, а вышеуказанное обязательство реализуется путем передачи дела компетентным властям для проведения расследования и возможного судебного преследования. Выдача в качестве альтернативы судебному преследованию также будет осуществляться в рамках судебной системы соответствующего государства. Что касается ограничений в отношении выдачи, то следует вспомнить, что положение "выдавать или осуществлять судебное преследование" впервые было введено в Гаагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года в порядке компромисса между сторонниками абсолютного обязательства выдавать и теми, кто хотел сохранить некоторые ограничения в этой связи. Отсюда неизбежно напрашивается вывод, что любые запреты на применение национального права в отношении выдачи, такие как запрет на исключения в связи с преступлениями, совершаемыми по политическим мотивам, ставший общим признаком современных правовых документов по борьбе с терроризмом, должны быть явно выражены в соответствующем документе и не могут быть логически выведены из общего характера данного обязательства.

36. В том, что касается "тройственной альтернативы", ясно, что независимо от того, будет ли обсуждение в Комиссии распространено на вопрос о передаче Международному уголовному суду, государства должны выполнять свои обязательства перед международными уголовными судебными органами.

37. **Г-н Вундавалли** (Индия), отметив с удовлетворением прогресс, достигнутый Комиссией в работе над темой оговорок к договорам, говорит, что делегация его страны представит в письменной форме ответ на вопросы Комиссии по этой проблеме. Однако она разделяет ту точку зрения, что из статей 19–23 Венской конвенции о праве международных договоров не ясны правовые последствия оговорок, являющихся недействительными в соответствии со статьей 19 Конвенции. Недействительность оговорки не может

вести к предположению, что положения договора в полном объеме сохраняют обязательную силу для соответствующего государства. Подобное толкование сказало бы на готовности государств признавать договоры.

38. Что касается темы общих природных ресурсов, то делегация его страны согласна с рекомендацией Специального докладчика (A/CN.4/580, п. 15) о том, что Комиссии следует провести второе слушание по вопросам права трансграничных водоносных горизонтов и завершить его независимо от своей будущей работы над проблемами нефти и природного газа, поскольку проблемы управления трансграничными нефтегазовыми ресурсами отличны от проблем трансграничных водоносных горизонтов. Хотя некоторые из норм права, касающегося неподпитываемых трансграничных водоносных горизонтов, могут сохранять значимость применительно к месторождениям нефти и природного газа, большая часть норм, которые будут разработаны для нефти и природного газа, не будет непосредственно применима к запасам грунтовых вод.

39. Обращаясь к вопросу об обязательстве выдавать или осуществлять судебное преследование, оратор говорит, что делегация его страны приветствует план дальнейшей работы по этой теме, предложенный Специальным докладчиком в его втором докладе (A/CN.4/585), и его идеи относительно статей, проекты которых должны быть подготовлены в будущем, включая его предложение по проекту статьи, предусматривающему, что "Каждое государство обязано выдавать или осуществлять судебное преследование предполагаемого правонарушителя, если такое обязательство предусмотрено договором, участником которого такое государство является". Во всех международных правовых актах о борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, транснациональной организованной преступностью, торговлей людьми и коррупцией предусмотрено обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование. Главная цель этого обязательства состоит в том, чтобы гарантированно лишить лиц, обвиняемых в совершении серьезных преступлений, безопасного убежища и обеспечить возможность предания их суду за их преступные деяния. Подобные положения служат важным инструментом в усилиях мирового сообщества по борьбе с серьезными преступлениями, включая преступления, связанные с терроризмом. Делегация его страны ожидает получения от Специального докладчика новых докладов с предложениями по проектам норм

относительно концепции, структуры и действия обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование.

40. Г-н Хафнер (Австрия), выступая с замечаниями по теме оговорок к договорам, говорит, что одним из наиболее деликатных вопросов, несомненно, является вопрос об определении объекта и цели договора, вполне справедливо называемый одной из загадок международного права. В проекте руководящего положения 3.1.5 предпринята попытка дать такое определение путем отсылок к существенно важным элементам и общей структуре договора, а также к самому смыслу его существования. Делегация его страны согласна с тем, что определить объект и цель договора почти невозможно, не в последнюю очередь из-за субъективного характера этого понятия. То, что одной стороне представляется в договоре существенным, для другой стороны может быть лишь незначительной деталью, и следует задаться вопросом, будет ли содержащееся в руководящем положении определение объекта и цели договора применимо во всех случаях, когда это понятие упоминается в договорном праве. Тем не менее, предпринятая в проекте руководящего положения 3.1.5 попытка дать такое определение, в целом достойна похвалы. Однако напрашивается вопрос: а существуют ли элементы договора, которые, являясь существенными, не были бы необходимы для его общей структуры, и не является ли тот или иной элемент существенным лишь потому, что он необходим для общей структуры договора? Отказ от прилагательного "существенный", возможно, позволил бы сократить количество субъективных элементов.

41. Единственная альтернатива определению объекта и цели договора в руководящих положениях – это сосредоточиться на процедуре их определения в каждом отдельном случае, как это делается в проекте руководящего положения 3.1.6, формулировка которого имеет много общего со статьями 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров. Обязательству в отношении обращения к его элементам, в дополнение к контексту договора недостает строгости: из текста следует, что эти элементы могут приниматься во внимание, в связи с чем возникает вопрос о том, кто решает, будут ли они приняты во внимание и при каких обстоятельствах. Добавляет неясности в проекте руководящего положения упоминание о том, что обращение к последующей практике возможно лишь, "когда это уместно". Ввиду неопределенности этих элементов объекта и цели договора было бы целесообразно

предусмотреть для их установления более четко структурированную процедуру. Нет никаких причин, по которым отсылку к этим другим элементам нельзя было бы сделать обязательной. Избежать неопределенности тем более важно, если принять во внимание, что правовым последствием несовместимости с объектом и целью договора является недопустимость соответствующей оговорки.

42. Практика говорит о широком использовании неясных или общих оговорок, установить влияние которых на положения договора затруднительно. Несмотря на их широкое использование, в проекте руководящего положения 3.1.7, очевидно, просматривается тенденция к исключению оговорок такого рода. Этот подход, который соответствует сути определения оговорок в Венской конвенции о праве международных договоров, приемлем для делегации его страны, однако остаются сомнения в том, что такое исключение найдет свое место в практике. Формулировка данного проекта руководящего положения также оставляет неясными последствия несоблюдения этого предписания. Оратора интересует, станет ли эффект для таких оговорок таким же, как и для других недопустимых ограничений, таких как оговорки, несовместимые с объектом и целью договора.

43. Оговорки, запрещаемые в соответствии с проектом руководящего положения 3.1.7 как неясные или общие, могут также подпадать под содержащееся в проекте руководящего положения 1.1.1 определение оговорки, направленных на изменение юридического действия договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов в их применении к государству, которое формулирует оговорку. Поэтому, как представляется, оговорка может подпадать под действие обоих руководящих положений, являясь оговоркой, предусмотренной в проекте руководящего положения 1.1.1, которая, тем не менее, запрещена в соответствии с проектом руководящего положения 3.1.7.

44. Австрии приходилось иметь дело с неясными и общими оговорками, и она попыталась выработать специальную процедуру, которая позволила бы дать авторам таких оговорок возможность задуматься над их формулировками. Такая процедура должна позволять оценить действие оговорки или установить, какая ее часть будет несовместима с объектом и целью договора, что может вызвать соответствующие возражения. Два года тому назад делегация его страны выразила свою позицию по проекту руководящего

положения 3.1.7, заявив, что подобные оговорки несовместимы с объектом и целью договора, и выступила с предложением о проведении "диалога об оговорках" в целях выяснения сферы действия соответствующей оговорки. Ни одно из государств, формулирующих такие оговорки, пока не отреагировало на просьбу о предоставлении дополнительной информации. Тем не менее, руководящее положение, в котором предусматривалась бы подобная процедура, могло бы положить начало практике такого обмена мнениями. Проект руководящего положения 3.1.7 представляется более радикальным, поскольку в нем оговорки такого рода признаются недействительными. Хотя данный проект руководящего положения, как мы надеемся, найдет отражение в будущей практике, следовало бы, тем не менее, подумать и об альтернативах столь радикальному решению. Упоминание о "диалоге об оговорках" в пункте 11 комментария можно было бы поместить в тексте самого руководящего положения. Однако если государство, делающее оговорку, не дает ответа, то, по-видимому, не остается иного выбора, как толковать соответствующую оговорку в самом широком смысле, тем самым предполагая, что она несовместима с объектом и целью договора, и относиться к ней как к недопустимой и, следовательно, недействительной.

45. Что касается проекта руководящего положения 3.1.8, то тот факт, что в договорной норме отражена норма международного обычного права, сам по себе не препятствует формулированию оговорки. Поэтому в сохранении пункта 1 данного руководящего положения нет необходимости. Соответственно, возражения Австрии против оговорок Гватемалы к Венской конвенции о праве международных договоров были весьма осторожно сформулированы в отношении их допустимости и имели целью удостовериться, что твердо устоявшиеся нормы останутся свободными от воздействия оговорки. Отсюда ясно следует, что основной смысл данного проекта руководящего положения заключен в его пункте 2.

46. В комментарии часты ссылки на практику различных органов по правам человека, включая Европейский суд по правам человека, для того чтобы вывести из их решений некие заключения общего характера. Следует, однако, иметь в виду, что в Европейской конвенции о защите прав человека для оговорок предусмотрен специальный режим, а посему решения Европейского суда можно использовать лишь с некоторой долей осторожности.

47. В том что касается отдельных случаев запрещенных оговорок, то делегация его страны по-прежнему предпочитает, как она заявила два года тому назад, чтобы данный вопрос рассматривался в одном положении общего характера и конкретизировался в комментарии. Однако, поскольку Комиссия ранее уже одобрила соответствующие проекты руководящих положений, по этому поводу следует высказать ряд замечаний. Если как проект руководящего положения 3.1.9, касающегося нормы *jus cogens*, особых проблем не вызывает, то проект руководящего положения 3.1.10 делегация его страны находит неясным. Хотя речь идет о конкретном праве, не допускающем отступлений, критерий оценки действительности оговорки выводится из договора во всей его целостности, а именно, из существенно важных прав и обязательств, вытекающих из этого договора. Однако мерилем допустимости оговорки в отношении того или иного права, не допускающего отступлений, должно быть конкретное положение, влекущее за собой возникновение такого права, а не договор в целом. Поэтому было бы предпочтительно ссылаться на некое положение в единственном числе, чтобы в тексте говорилось: "Государство или международная организация не может формулировать оговорку к положению договора, касающемуся права, не допускающего отступлений, кроме, как если эта оговорка является совместимой с существенно важными правами и обязательствами, вытекающими из этого положения". Второе предложение, как представляется, ничего не добавляет к первому и способно до некоторой степени ввести в заблуждение, поскольку в нем добавляется условие несовместимости, не связанное с критерием, содержащимся в первом предложении, и поэтому оно порождает дополнительную неясность.

48. Проект руководящего положения 3.1.11, касающегося оговорок, относящихся к внутреннему праву, необходимо оценивать в сравнении с проектом руководящего положения 3.1.7; от последнего он отличается тем, что в нем речь идет лишь о некоторых конкретных нормах внутреннего права. Было бы проще установить возможную несовместимость с объектом и целью договора, если бы соответствующая норма внутреннего права разъяснялась в тексте оговорки. В противном случае для оценки эффекта оговорки будет полезно, хотя и не обязательно необходимо, прибегнуть к "диалогу об оговорках".

49. В связи с проектом руководящего положения 3.1.12, касающимся договоров по правам человека, делегации его страны хотелось бы знать, по

какой причине предлагаются общее руководящее положение об оговорках, несовместимых с объектом и целью договора, и отдельное положение об оговорках, несовместимых с объектом и целью, которые формулируются в отношении договоров о правах человека. В данном проекте руководящего положения устанавливаются критерии, явно отличные от содержащихся в проекте руководящего положения 3.1.5. Следует ли рассматривать их как дополнительные к критериям, изложенным в проекте руководящего положения 3.1.5? Или проект руководящего положения 3.1.12 представляет собой *lex specialis* по отношению к проекту руководящего положения 3.1.5? В любом случае критерий значения соответствующего положения в общей структуре договора и серьезности воздействия на него оговорки порождает больше проблем, нежели решает. Даже если решение относительно значения такого положения и серьезности воздействия поправки будет приниматься предусмотренным договором судебным органом, эти термины дают основание для субъективного истолкования. Добавление хотя бы лишь первого критерия к критериям, уже зафиксированным в проекте руководящего положения 3.1.5, кроме всего прочего, устранило бы всякие сомнения относительно применимости процедуры, предусмотренной в проекте руководящего положения 3.1.6, к договорам по правам человека.

50. Что же касается поставленных Специальным докладчиком вопросов, то в качестве первого ответа на них можно рассматривать сделанное Австрией два года назад сообщение об австрийской практике в этом отношении. По мнению Австрии, запрещенная оговорка не имеет юридической силы, в связи с чем сформулировавшее ее государство по ряду причин не может извлечь из нее никакой пользы. В то время как, с одной стороны, необходимо уважать намерение соответствующего государства стать стороной договора, с другой стороны, это государство также должно соблюдать условия, на которых оно может стать одной из его сторон. Следовательно, если кака-либо оговорка считается недействительной, незаконность этой оговорки никак не отражается на согласии государства быть связанным соответствующим договором.

51. Обращаясь к принципу *aut dedere aut judicare* и вопросу, поставленному в пункте 31 а) доклада Комиссии (A/62/10), оратор говорит, что вне зависимости от этого принципа австрийская уголовная юрисдикция действует, когда согласно международному праву Австрия обязана осуществлять

судебное преследование, даже если соответствующие деяния совершаются за границей и не являются наказуемыми по законам государства, в котором совершается преступление. В вопросе, содержащемся в пункте 31 b), затрагивается проблема связи между универсальной юрисдикцией и принципом *aut dedere aut judicare*. В Австрии вопросы экстерриториальной уголовной юрисдикции регулируются в разделах 64 и 65 австрийского Уголовного кодекса. В соответствии с положениями раздела 64 некоторые виды преступлений, совершенных за рубежом, являются наказуемыми по австрийским законам, даже если они не наказуемы по закону государства, в котором они совершаются; в их число входят, среди прочего, преступления против государства, преступления против австрийских государственных служащих либо совершенные такими служащими, преступления против высших органов Австрии, некоторые акты воздушного пиратства, подделка документов и акты терроризма. В разделе 65 определены виды преступлений, совершенных за границей, которые являются наказуемыми по австрийским законам только при условии, что они наказуемы и согласно законам государства, на территории которого они совершаются. К числу таких преступлений относятся совершенные австрийскими гражданами правонарушения, если они наказуемы по закону государства, в котором совершается преступление, или, если лицо, совершившее правонарушение, является иностранцем, когда оно арестовано в Австрии и не может быть выдано по причинам, не связанным с характером совершенного преступления. Однако судебное преследование за совершение этих преступлений становится невозможным, если они перестают быть наказуемыми в государстве, в котором были совершены, если лицо, совершившее преступление, было оправдано иностранным судом, если в отношении лица, совершившего преступление, был вынесен приговор австрийским уголовным судом или если исполнение этого приговора было отсрочено.

52. На вопрос, не содержащийся в пункте 31 с), Австрия отвечает, что связи между универсальной юрисдикцией и принципом *aut dedere aut judicare* не существует. В отношении вопроса о связи между этим принципом и универсальной юрисдикцией, предусматриваемой согласно нормам внутригосударственного права, оратор подчеркивает, что Австрия, либо на основе международных соглашений либо в целях защиты собственных национальных интересов, распространила свою уголовную юрисдикцию на преступления, совершаемые иностранцами за границей, даже если

эти преступления не наказуемы по законам государства, в котором они совершаются. Примерами такого расширения юрисдикции, отчасти на основе международных обязательств, являются случаи, когда преступление нарушает интересы Австрии, или когда оно совершено гражданином Австрии, или когда совершивший преступление иностранец не подлежит выдаче; к их числу относятся, в частности, рабство, торговля людьми, организованная преступность, преступления, связанные с наркотиками, преступления против безопасности гражданской авиации, а также производство и распространение оружия массового уничтожения. Другие случаи подобного расширения юрисдикции вытекают из международных обязательств, например, в отношении тяжкого сексуального надругательства над несовершеннолетними, когда лицо, совершившее преступление, является гражданином Австрии либо иностранцем, имеющим постоянное местожительство в Австрии.

53. В отношении вопроса, поднятого в пункте 32 а), Австрия подчеркивает, что принцип *aut dedere aut judicare* реализован ею в качестве одного из общих принципов в разделе 65 (1) ее Уголовного кодекса. Используемый принцип гласит, что преступление подлежит наказанию по закону того государства, в котором оно было совершено. В любом случае, нормы австрийского уголовного права применяются в отношении австрийцев, которые ни при каких обстоятельствах не подлежат выдаче в государства, не являющиеся членами Европейского союза, в связи с преступлениями, совершенными ими за рубежом, если такие деяния наказуемы по законам государства, в котором они были совершены. Австрийское право применяется также и в отношении преступлений, совершенных иностранцами, если последние не подлежат выдаче по причинам, не связанным с характером совершенных деяний.

54. Австрия устанавливает свою юрисдикцию в отношении некоторых видов преступлений, совершаемых за рубежом, даже если лицом, совершившим преступление, является иностранец; к числу таких преступлений, помимо тех, судебное преследование за которые обязательно по международному праву, относятся, в частности, государственная измена, нападения на высшие государственные органы, нападения на австрийскую армию или на австрийское должностное лицо, а также лжесвидетельство в ходе производства по делу в австрийском суде.

55. Делегация его страны считает, что принцип *aut dedere aut judicare* не является нормой международного обычного права и может быть установлен лишь путем заключения международного договора в отношении конкретных видов преступлений.

56. **Г-н Марсико** (Аргентина) говорит, что делегация его страны согласна с содержанием проектов руководящих положений, касающихся оговорок к договорам, и одобряет принцип, согласно которому право делать возражения против оговорок не ограничивается оговорками, считающимися несовместимыми с объектом и целью договора. Особенно полезно определение данного права, содержащееся в проекте руководящего положения 2.6.3, поскольку оно не устанавливает ограничений на причины, по которым могут делаться такие возражения, при том понимании, что они должны соответствовать положениям Венских конвенций и нормам общего международного права. Соответственно, введение в проектах руководящих положений различия между серьезными и незначительными возражениями представляется излишним. Проекты руководящих положений 2.6.7 и 2.6.8 помогают внести ясность в международные отношения, тогда как проект руководящего положения 2.6.10 будет способствовать эффективности диалога между государством, делающим оговорку, и теми, кто будет призван оценивать действительность этой оговорки. Проект руководящего положения 2.6.14 также полезен с точки зрения проведения различий между превентивными и запоздалыми возражениями. Проводить различие между понятиями молчаливого принятия и подразумеваемого принятия оговорок нет необходимости, поскольку их правовой эффект одинаков. Что касается права членом международной организации занимать позицию в отношении действительности или уместности оговорки к ее учредительному акту, предусмотренного в проекте руководящего положения 2.8.11, то это право продолжает сохранять свою юридическую значимость, поскольку выраженное таким образом мнение может способствовать проведению диалога об оговорках, хотя в то же время, ничто не мешает государствам возражать против оговорки, уже признанной соответствующей организацией. Правительство его страны поддерживает содержащееся в проекте руководящего положения 2.8.12 предложение считать определенно выраженное или молчаливое принятие оговорки окончательным и необратимым, тем самым гарантируя устойчивость и юридическую безопасность договорных отношений.

57. Обращаясь к теме общих природных ресурсов, оратор говорит, что делегация его страны приветствует предложение рассматривать вопрос о трансграничных водоносных горизонтах отдельно от вопросов, касающихся нефти и газа, и высоко ценит то внимание, которое уделяется специфичности трансграничных водоносных горизонтов в различных районах мира, в том числе, обширной системы водоносного горизонта Гуарани, расположенной в пределах суверенных территориальных юрисдикций Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая. Принятые в первом чтении проекты статей отличаются ясностью, объективностью и сбалансированностью, а также содержат полезное изложение применимых общих правил в форме нормативных предложений. В окончательном виде им можно придать форму декларации или рамочной конвенции, которая станет руководством к заключению детальных соглашений и иных договоренностей по вопросам эксплуатации водоносных горизонтов и управления ими со стороны заинтересованных государств. Делегация его страны выступает за включение положения, подтверждающего суверенитет государства над частью трансграничного водоносного горизонта или системы такого горизонта, находящейся в пределах его территории, как это предусмотрено в проекте статьи 3, и приветствует важность, придаваемую осторожному подходу, в частности, в проекте статьи 11, который, наряду со связанными с ним проектами статей, касающимися предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения, имеет наиболее существенное значение.

58. Касаясь обязательства *aut dedere aut judicare*, оратор говорит, что ввиду существования в этой связи нормы *in statu nascendi* в противовес общепринятому принципу обычного права, а также отсутствия у государств ясных концепций или единообразных критериев в отношении этого вопроса предлагать проекты статей слишком рано. Было бы целесообразно подождать, пока от государств поступит больше информации касательно их практики и законодательства. Кроме того, ценным руководством в отношении этого обязательства послужат договоры, в которых устанавливается принцип *aut dedere aut judicare*, поскольку именно они станут первейшим, хотя и не достаточным, доказательством признания данного принципа государствами. Обычноправовой характер этого принципа необходимо будет доказывать дифференцированно, в зависимости от вида преступлений, о которых идет речь. Несмотря на наличие *opinio juris* в отношении наиболее тяжких преступлений, а именно, геноцида, преступлений

против человечности и военных преступлений, это не дает оснований для каких-либо выводов относительно применимости к таким преступлениям рассматриваемого принципа или универсальной юрисдикции. Оратор побуждает Комиссию продолжить свои усилия по сбору и анализу имеющихся в государствах норм и судебных прецедентов с целью установления, в конечном счете, новой нормы обычного права.

59. **Г-н Дуань Цзелун** (Китайская Народная Республика) говорит, что в проектах руководящих положений, касающихся оговорки к договорам, необходимо обеспечить баланс между свободой государств делать оговорки и необходимостью сохранить целостность и универсальность договоров, а также их соответствие положениям Венских конвенций 1969 и 1986 года. В то время как проекты руководящих положений 3.1.5 и 3.1.6 в основном воплощают в себе соответствующие положения этих Конвенций, было бы желательно в дополнение к определению в общих чертах объекта и цели договора уделить внимание различным типам договоров. Кроме того, оговорки не должны идти вразрез с соответствующими международными обязательствами, а также, в соответствии с положениями статьи 27 Венской конвенции 1969 года, в них недопустимы ссылки на положения внутреннего права государства в качестве основания для невыполнения им договора.

60. Выделение оговорок к общим договорам по правам человека, рассматриваемых в проекте руководящего положения 3.1.12, и оговорки к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или контроля за осуществлением договора, которым посвящен проект руководящего положения 3.1.13, подразумевает использование иных критериев и вполне может ввести в заблуждение; эти два положения следовало бы исключить из текста или же, в противном случае, дать пояснения к ним в комментарии. Его делегация не считает целесообразным формулировать отдельные руководящие положения по вопросам, являющимся предметом рассмотрения в проектах руководящих положений 3.1.7, 3.1.9 и 3.1.10. Оговорки, противоречащие норме *jus cogens*, обычно идут вразрез с объектом и целью договора и поэтому могут считаться несовместимыми с ними, в то время как неясные или общие оговорки и оговорки к положениям, касающимся прав, не допускающих отступлений, не обязательно противоречат объекту и цели договора, и судить о них следует в зависимости

от конкретного случая. Что касается оговорки к положению, которое отражает обычную норму, разрешенных в соответствии с проектом руководящего положения 3.1.8, в котором предусматривается, однако, что такие оговорки не затрагивают обязательного характера обычной нормы, то критерии подхода к таким оговоркам не должны отступать от общих руководящих положений, касающихся оговорки, поскольку договоры, в которых отражаются обычные нормы, являются просто одним из видов международных договоров. Однако норма, о которой идет речь, более не будет применяться в отношениях между государством или организацией, сделавшими оговорку, и другими сторонами договора. Наконец, поскольку высказывание возражения против оговорки также является актом договоротворчества, оно должно следовать общим юридическим правилам заключения международных договоров: поэтому слова "по любой причине" в проекте руководящего положения 2.6.3 следует заменить словами "по любой причине в рамках настоящего руководящего положения и норм международного права".

61. По теме общих природных ресурсов работа могла бы, в конечном счете, завершиться разработкой набора принципов или необязывающей декларации, поскольку условия для формулирования международного договора пока не созрели. Кроме того, ввиду значительного расхождения взглядов на желательность изучения вопроса о трансграничных ресурсах нефти и газа Комиссии, прежде чем принять решение по данному вопросу, следует попытаться дополнительно заручиться мнениями государств. Следует иметь в виду, что разработка и использование трансграничных нефти и газа сопряжены с понятием постоянного суверенитета государств над своими природными ресурсами и целым рядом сложных правовых и технических вопросов.

62. Обращаясь, наконец, к теме об обязательстве *aut dedere aut judicare*, оратор говорит, что его применение не должно подрывать юрисдикцию государств или затрагивать иммунитет должностных лиц государства от уголовного преследования. Делегация его страны в принципе поддерживает альтернативный характер данного обязательства, предусматриваемый в проекте статьи 1, однако в связи с необходимостью установить пределы альтернативных обязательств государств она склонна проявлять осторожность в отношении третьего компонента так называемой "тройственной альтернативы". В проекте статей необходимо предусмотреть, что, согласно соответствующим нормам, касающимся юрисдикционных приоритетов,

приоритет в осуществлении юрисдикции должен быть предоставлен государству, в котором преступление было совершено, и государству гражданства подозреваемого. Следует также разъяснить, что термин "юрисдикция", как он используется в проекте статьи 1, относится к территориальной юрисдикции или фактическому контролю государства над соответствующим индивидом и не включает в себя понятие экстерриториальной юрисдикции государства над индивидами вне пределов его территории, основанной на таких принципах охранительной юрисдикции, как персональная юрисдикция. Оратор предлагает, чтобы слова "находящихся под их юрисдикцией" в этом проекте статьи были заменены словами "находящихся на их территориях или под их фактической юрисдикцией или контролем" или чтобы в комментарии было дано надлежащее разъяснение. Хотя обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование является в своей основе договорным обязательством, оно может также стать одним из обязательств по обычному международному праву, если преступление, в отношении которого оно применяется, является преступлением согласно нормам обычного права, общепризнанным в международном сообществе. Преступления, на которые распространяется это обязательство, в первую очередь должны быть международными преступлениями, транснациональными преступлениями, создающими угрозу общим интересам международного сообщества согласно нормам международного права, и серьезными преступлениями, ставящими под угрозу государственные и общественные интересы в соответствии с нормами внутригосударственного права. Возможно, стоило бы рассмотреть вопрос о включении в проект статей исчерпывающего перечня таких преступлений. Комиссии следует изучить пределы применения условий запрета на выдачу, предусмотренных в законодательстве государств о выдаче преступников, и условий осуществления судебного преследования, зафиксированных в их уголовно-процессуальных кодексах. Тогда она сможет решить вопрос о целесообразности выработки набора общих критериев для выдачи и осуществления судебного преследования. Она могла бы также продолжить изучение соотношения между этим обязательством и другими нормами международного права, включая универсальную юрисдикцию.

63. **Г-жа О'Брайен** (Ирландия) приветствует выбор темы *aut dedere aut judicare*, особенно ввиду того, что многие преступления все чаще приобретают

трансграничный характер, поэтому необходимо налаживание межгосударственного сотрудничества, которое не позволит преступникам оставаться безнаказанными. Делегация ее страны считает, что хотя между обязательством осуществлять судебное преследование или выдавать и принципом универсальной юрисдикции есть много общего, в рамках международного правопорядка эти два принципа выполняют различные функции. Поэтому было бы вполне уместно сформулировать второй проект статьи, в котором содержалось бы определение этих терминов, причем полезно было бы также дополнительно изучить, как предлагает Специальный докладчик, последствия передачи обвиняемого международному трибуналу для обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование. Неясность взаимосвязи между этим обязательством и возможностью передачи обвиняемого международному трибуналу усугубляется тем обстоятельством, что не все государства являются участниками Римского статута, а также комплементарным характером юрисдикции Международного уголовного суда, вследствие чего основная ответственность за предание правонарушителей суду остается за государствами. Важно четко определить соотношение между двумя элементами обязательства *aut dedere aut judicare*, которое, к тому же, может быть в полной мере осмыслено лишь при обращении к практике государств и относящимся к данному вопросу положениям внутригосударственного права. Оратор призывает заинтересованные государства оказать Специальному докладчику все возможное содействие в реализации его предложения о проведении систематического обзора в этой области, который необходимо дополнить глубоким анализом соответствующих международных договоров, чтобы в результате можно было решить, какую форму следует придать итогам работы по рассматриваемой теме.

64. **Г-жа Негм** (Египет), выступая по теме об оговорках к договорам, говорит, что договорные отношения между государствами регулируются, главным образом, Венской конвенцией о праве международных договоров и что Комиссии международного права следует сосредоточить внимание на прояснении любых неясностей в положениях этой Конвенции, не пытаясь переписать ее заново. Любое государство, возражающее против оговорки к договору, сформулированной другим государством, должно указать основания для своего возражения, которые должны быть совместимы с положениями статьи 19 Конвенции и с объектом и

целью соответствующего договора. Однако действие таких возражений будет различным в зависимости от того, идет ли речь о двустороннем или многостороннем соглашении, а в первом случае и от предмета, охватываемого соглашением, как, например, в случае соглашений об установлении морских границ или соглашений о сотрудничестве судебных органов. Важно также рассмотреть в том же свете вопрос о действии возражения против оговорки к многостороннему договору, особенно когда речь идет о действующих в соответствующем договаривающемся государстве процессуальных нормах по таким вопросам, как статус личности. Такое возражение, например, повлияет на признание высказавшим это возражение государством решения суда первой инстанции, вынесенного по делу, имеющему отношение к предмету оговорки. Однако оно никак не скажется на праве государства, сделавшего оговорку, выполнять соответствующее соглашение способом, совместимым с его оговоркой.

65. В отношении общих природных ресурсов Комиссии следует продолжать придерживаться своего радикального подхода к этой теме; природные ресурсы, находящиеся на территории государства, должны являться исключительно предметом его национальной юрисдикции. Можно приветствовать проект статьи 3, касающийся правового режима трансграничных водоносных горизонтов, поскольку, в соответствии с положениями резолюции 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи о постоянном суверенитете над природными ресурсами, он укрепляет суверенитет государств над своей частью таких водоносных горизонтов. В предлагаемый проект статей важно включить термин "справедливое использование". Что касается проекта статьи 6, то любому государству, на территории которого находятся зоны питания или выхода на поверхность водоносного горизонта, необходимо вменить в обязанность сотрудничество с государствами водоносного горизонта, особенно в отношении охраны окружающей среды и выполнения обязательства первого по недопущению попадания в водоносный горизонт загрязняющих веществ. Что касается проекта статьи 10, то в предлагаемый проект статьи об использовании терминов следует включить термины "питание" и "выход на поверхность" с тем, чтобы избежать любого неправильного толкования их значения.

66. Делегация ее страны предпочла бы, чтобы Комиссия выработала набор общих правил в отношении трансграничных природных ресурсов, будь то водоносные горизонты или нефть и газ, из которых

все обычно являются предметом двусторонних соглашений. Она также приветствует проведение семинаров по этим проектам статей, организованных Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, которые следует проводить также в странах Азии и Африки в целях повышения уровня осведомленности по этому вопросу и осознания правовых последствий, возникающих в результате разделения общих природных ресурсов.

67. В связи с темой, касающейся обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*), следует принимать во внимание различия в договорных обязательствах государств. Важно также уважать принцип территориальности уголовного права, за исключением случаев судебного преследования граждан одного государства, которые совершили преступления в другом государстве и не были преданы суду за указанные преступления этим последним государством. Согласно уголовному праву Египта, египетские граждане в такой ситуации должны быть подвергнуты судебному преследованию в Египте, поскольку египетская конституция запрещает их высылку, и поэтому они не могут быть выданы для слушания дела в иностранном суде. Египет, тем не менее, связан обязательством *aut dedere aut judicare* на основании заключенных с целым рядом государств двусторонних соглашений; в отсутствие подобных соглашений применяется принцип взаимности. Таким образом, юрисдикция Египта в отношении своих граждан по уголовным делам явно не является универсальной в том смысле, который подразумевается в докладе Комиссии. Наконец, оратор подчеркивает необходимость рассмотреть вопрос о связи обязательства *aut dedere aut judicare* с обычным правом.

68. Г-н Альварес (Уругвай) подчеркивает важность темы общих природных ресурсов для таких стран, как Уругвай, которые располагают значительными запасами грунтовых вод и опытом совместного управления ими с другими странами региона. Делегация его страны по-прежнему считает, что, несмотря на различия между вопросом водоносных горизонтов и вопросом нефти и природного газа, между двумя соответствующими методологиями имеются элементы существенного сходства, и что поэтому, прежде чем вынести окончательное решение о принятии отдельных текстов, необходимо провести дальнейшее исследование режима, действующего в отношении топливных ресурсов. Проекты статей должны послужить в качестве руководящих

положений, рекомендаций или образцов, которыми будут пользоваться государства, обладающие общими водоносными горизонтами, при заключении многосторонних соглашений или иных договоренностей по управлению ими, а также по их использованию и охране. Особую ценность в этом отношении имеют проекты статей 3 и 19. Внимательное чтение проектов статей, принятых Комиссией в первом чтении, позволит Комитету прийти к заключению относительно их окончательной формы, принятия предлагаемых конкретных мер и желательности отдельного рассмотрения вопроса о водоносных горизонтах в ожидании дополнительного исследования режимов, действующих в отношении нефти и газа.

69. Тема, касающаяся обязательства *aut dedere aut judicare*, имеет ключевое значение для защиты прав человека. Наиболее важными источниками руководящих принципов в этом отношении являются проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятый Комиссией в 1996 году, и Римский статут Международного уголовного суда. Он также привлек внимание к уругвайскому Закону № 18.026 о сотрудничестве с Международным уголовным судом в деле борьбы с геноцидом, военными преступлениями и преступлениями против человечности, в статье 4.2 которого предусматривается, что даже при отсутствии каких-либо просьб о выдаче или передаче Международному уголовному суду лиц, подозреваемых в совершении таких преступлений, государство обязано осуществить их судебное преследование, тем самым, оказывая поддержку методу "тройственной альтернативы".

70. **Г-жа Родригес Пинед** (Гватемала) говорит, что проекты статей, касающиеся правового режима трансграничных водоносных горизонтов, весьма полезны в плане содействия решению практических проблем, которые могут возникать в этой области. Правительство ее страны в настоящее время подготавливает письменные замечания для представления в Комиссию. Для Гватемалы данный вопрос в высшей степени актуален, поскольку на большей части ее территории имеются трансграничные водные бассейны и водоносные горизонты. Поэтому делегация ее страны придает особое значение проектам статей 7, 13, 15 и 19, общим элементом которых являются вопросы сотрудничества. Основная проблема для Гватемалы заключается в том, что она не располагает достаточными институциональными, законодательными и техническими возможностями

для того, чтобы решать проблемы скоординировано, будь то на местном, региональном, национальном или многонациональном уровнях, и разрабатывать методологии их практического и рационального решения.

71. На данном этапе преждевременно принимать решение относительно окончательной формы проектов статей. Однако, принимая во внимание важность укрепления сотрудничества и смягчения конфликтов вокруг ресурсов грунтовых вод, наиболее полезным и практичным решением стала бы типовая конвенция, которую заинтересованные государства могли бы адаптировать к своим практическим нуждам. Разработка такой конвенции могла бы поощрить государства к укреплению существующих или созданию новых механизмов для управления такими ресурсами и их использования. Не имеющий обязательной силы документ является наиболее подходящим средством для согласования широкого круга связанных с этим экономических, политических и экологических интересов.

72. Делегация ее страны приветствует работу, проделанную Специальным докладчиком в связи с вопросом о ресурсах нефти и газа, однако считает, что, прежде чем продолжить ее во всех деталях, следует принять в расчет прогресс, достигнутый в вопросах, касающихся трансграничных водоносных горизонтов, в частности, поскольку эта последняя тема еще остается предметом поступающих от государств замечаний. Учитывая уникальный характер соответствующих ресурсов, две указанные темы следует рассматривать отдельно друг от друга, хотя и не обязательно параллельно, так как вопросы, касающиеся нефти и газа, сложнее вопросов, связанных с грунтовыми водами, и могут повлечь важные политические последствия.

73. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование является одним из наиболее эффективных инструментов борьбы с безнаказанностью и уже давно получило признание в договорном праве. Однако имеются различия в условиях его использования, в истолковании, применении и видах преступлений, на которые оно распространяется. Кроме того, непросто установить, вытекает ли это обязательство также из норм обычного международного права и в какой степени. Проект статьи 1, предложенный Специальным докладчиком в его втором докладе (A/CN.4/585, п. 76), представляется несколько преждевременным, поскольку целый ряд вопросов еще требует прояснения. Делегация ее

страны не убеждена, что обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование следует рассматривать как два "альтернативных" обязательства, не зависящих друг от друга; они скорее взаимозависимы. Поэтому ее делегация призывает с большей осторожностью изучить последствия этого обязательства.

74. Оба компонента данного обязательства сопряжены с практическими трудностями, поскольку, для того чтобы осуществлять судебное преследование, сначала необходимо установить юрисдикцию. Помимо этого, не ясно, достаточно ли для выполнения требования об осуществлении судебного преследования лишь начать расследование, или производство по делу обязательно должно достигнуть стадии вынесения приговора. Кроме того, существуют и ограничения в отношении выдачи, а именно, требование "двойной преступности", вопрос о наличии договора между запрашиваемым и запрашивающим государствами, а также исключения в отношении некоторых видов правонарушений, таких как преступления политического или военного характера.

75. В Гватемале экстерриториальность уголовного права ограничена, а вопросы выдачи регулируются исключительно на основе договоров. Однако обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование было включено в ряд специальных уголовных законов. Наиболее практичный путь реализации данного обязательства – определить выдачу в качестве главного обязательства и установить, что вспомогательное обязательство об осуществлении судебного преследования применяется лишь в случаях, когда выдача невозможна. Цель этого – избежать возникновения политической напряженности при выполнении данного обязательства, поскольку и запрашиваемое и запрашивающее государства могут требовать для себя права выбора между выдачей и осуществлением судебного преследования. Поэтому важно установить, какие обстоятельства могут служить поводом для применения этого обязательства; выявлению этих обстоятельств послужит процедура, которую Специальный докладчик именует установлением обязательства.

76. Что касается других элементов данного проекта статьи, то следует продолжить изучение вопроса о содержании и применении рассматриваемого обязательства в обычном международном праве и современном международном уголовном праве, учитывая факт развития институций, которые дополняют обязательство выдавать или осуществлять

судебное преследование, таких как универсальная юрисдикция, взаимная помощь и международное сотрудничество и международные уголовные трибуналы. Не следует пытаться составлять перечни преступлений, в отношении которых должно применяться данное обязательство. Скорее необходимо установить критерии для выявления их категорий, представляющих общий интерес для международного сообщества. Было бы полезно получить от государств – членов Организации сведения о видах преступлений, на которые это обязательство распространяется в рамках их национальной юрисдикции. Кроме того, хотя вопрос об универсальной юрисдикции актуален, он не относится к числу решающих факторов. Поэтому в уточнении связи и взаимозависимости между этим обязательством и универсальной юрисдикцией нет необходимости. Вместо этого во избежание путаницы важно установить различия между ними. Наконец, данное обязательство должно налагаться на государство, на территории которого находится предполагаемый преступник, включая случаи, когда это лицо, не находясь на территории соответствующего государства, тем не менее, находится под его контролем. В случаях совпадающей юрисдикции приоритет следует отдавать государству, на территории которого преступление было совершено.

77. Г-н Витшель (Германия) говорит, что функция практики государств как отражения специфических правовых воззрений со всей очевидностью проявляется, когда речь заходит о реакции на оговорки к международным договорам. Общие усилия направлены на то, чтобы предотвратить, насколько это возможно, распространение исключений, нарушающих целостность договоров. В этом контексте делегация его страны с удовлетворением отмечает возрастание в последние годы числа возражений против необоснованных оговорок, особенно в отношении договоров, содержащих гарантии прав человека, и договоров, направленных на борьбу с международным терроризмом. Такие возражения показывают, что действующий венский режим по вопросам права международных договоров в общем и целом обеспечивает необходимые для этого инструменты, даже если применительно к многосторонним договорам некоторые из его положений не полностью адекватны.

78. Работа Комиссии над проектами руководящих положений в отношении оговорок к договорам дополняет практику государств. Анализ оговорок как

правового инструмента, проведенный Специальным докладчиком в его одиннадцатом докладе (A/CN.4/574), несомненно, сыграл полезную роль, побуждая большее число государств высказывать возражения против необоснованных оговорок. Кроме того, существенный интерес представляет рассмотрение в его двенадцатом докладе (A/CN.4/584) вопроса о принятии оговорок, учитывая, что в соответствии с положениями пункта 5 статьи 20 Венской конвенции о праве международных договоров возражение может быть выражено в письменном виде, тогда как согласие с оговоркой может быть и молчаливым. Однако такое презюмируемое принятие может быть фикцией.

79. Тот факт, что в ходе своей пятьдесят девятой сессии Комиссия передала значительное количество проектов руководящих положений в Редакционный комитет, является показателем достигнутого ею значительного прогресса. Делегация его страны будет продолжать поддерживать работу Комиссии в этом направлении, которая должна сосредоточиться на систематическом анализе вопроса с целью достижения результатов, которые можно будет использовать в практике государств.

80. Что касается общих природных ресурсов, то открытым остается вопрос о том, окажется ли возможным выработать проекты норм в отношении общих месторождений нефти и газа и следует ли за образец таких норм взять нормы, касающиеся ресурсов грунтовых вод. Касаясь трансграничных водных ресурсов, оратор говорит, что если поверхностным водам посвящено множество международных документов, то грунтовые воды лишь номинально входят в сферу действия этих правовых актов, главным образом лишь постольку, поскольку они связаны с поверхностными водами или составляют часть системы, включающей в себя как поверхностные, так и грунтовые воды. В некоторых случаях в рамках режимов, регулирующих использование поверхностных вод, вопрос о грунтовых водах преднамеренно опускают. Лишь в небольшом числе договоров и других правовых инструментов вопросы, касающиеся грунтовых вод, рассматриваются в первую очередь, или этим вопросам посвящены специальные положения.

81. Тем не менее анализ последних имеющих или не имеющих юридическую силу правовых инструментов, касающихся грунтовых вод, свидетельствует о наличии, по крайней мере, некоторых признаков появления норм в отношении рационального использования грунтовых вод, на которых Комиссия

может основывать свою работу. Принимая во внимание отсутствие устоявшегося правового режима в отношении ресурсов грунтовых вод, рассмотрение Комиссией норм, регулирующих использование трансграничных ресурсов грунтовых вод и их охрану, в рамках темы об общих природных ресурсах представляется вполне уместным. Тем не менее, меры в отношении управления этими ресурсами, включая их справедливое и рациональное использование, пока еще остаются на ранней стадии. Стремиться следует к достижению двух результатов: во-первых, необходимо установить в обязывающей форме, что использование грунтовых вод должно отвечать согласованным международным стандартам; и во-вторых, необходимо предусмотреть положения о сотрудничестве не только на уровне государств, но и на уровне муниципальных образований. Оба эти результата должны отражать все более отчетливо прорисовывающееся представление о том, что доступ к питьевой воде в достаточном количестве и удовлетворительного качества, возможно, составляет одно из прав человека. Кроме того, необходимо четко установить, что при использовании грунтовых вод, как трансграничных, так и нет, следует учитывать потребности будущих поколений. Поэтому ущерб водоносному горизонту, принадлежащему какому-либо конкретному государству, даже если он был нанесен лишь самим этим государством, должен являться предметом обеспокоенности для международного сообщества.

82. В отношении обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование Германия признает, что принцип универсальной юрисдикции и право каждого государства осуществлять судебное преследование за совершение актов геноцида, военные преступления, преступления против человечности, рабство и пиратство твердо укоренились в обычном международном праве. Однако существует сомнение относительно наличия общности мнений между государствами или накопления достаточных свидетельств в практике государств, которые говорили бы о существовании такого обязательства помимо случаев, охватываемых обязательными международными соглашениями. Как указывает в своем втором докладе (A/CN.4/585) Специальный докладчик, ответы на этот вопрос со стороны членов Комиссии и Комитета были весьма осторожными. Тем не менее, следует уделить должное внимание текущим тенденциям. Помимо прочего, твердая правовая позиция Германии состоит в том, что на государствах лежит обязанность вести борьбу с безнаказанностью и обеспечивать, чтобы лица, совершающие столь

серьезные преступления, не находили себе безопасных укрытий.

83. **Г-н Астральди** (Италия), отмечая намерение Комиссии продолжать свою работу над нефтью и газом в рамках темы общих природных ресурсов, говорит, что проблематика нефти и газа очень сложна и сопряжена со значительными трудностями политического и технического характера. Поэтому было бы целесообразно, чтобы Комиссия начала с проведения предварительной оценки возможности выполнения полезной работы по данной теме в свете рассмотрения имеющегося практического опыта. Вполне возможно, что действующие договоренности отражают, главным образом, конкретные проблемы и не могут служить основой для формулирования общих правил. Анализ имеющейся практики также должен позволить Комиссии прийти к выводу о том, существуют ли какие-либо вопросы, по которым формулирование общих правил, независимо от наличия или отсутствия намерения сделать их обязательными, могло бы в значительной мере способствовать разрешению сегодняшних проблем.

84. Несомненный прогресс был достигнут в вопросе об обязательстве выдавать или осуществлять судебное преследование, особенно в отношении определения сферы применения этого обязательства, которое должно оставаться в центре деятельности Комиссии. Однако он подтверждает обеспокоенность делегации его страны в связи с предложением расширить тему и включить в нее вопрос об универсальной юрисдикции по уголовным делам. Хотя этот последний вопрос и имеет отношение к рассматриваемой теме, он заслуживает непосредственного изучения Комиссией в качестве отдельной темы, поскольку сопряженные с ним последствия идут значительно дальше, чем последствия обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование.

85. Обращаясь к теме оговорок к договорам, оратор говорит, что пространные комментарии к проектам руководящих положений, которые были приняты на пятьдесят девятой сессии Комиссии, хотя и свидетельствуют о глубоких знаниях Специального докладчика, по-видимому, упускают из виду цель создать практическое руководство, содержащее существенно важную информацию в ясном и кратком изложении. Комиссии следует воздержаться от рассмотрения деталей, упоминание о которых в докладе Специального докладчика было уместно, но для включения которых в комментарии к принятым проектам руководящих положений имеется значительно меньше оснований.

86. Принятые Комиссией на ее пятьдесят девятой сессии проекты руководящих положений представляют собой смелую попытку определить, когда оговорку следует считать несовместимой с объектом и целью соответствующего договора. Выводы Комиссии представляются в целом приемлемыми, хотя они лишь отчасти могут служить руководством. Это относится, в частности, к проекту руководящего положения 3.1.11, "Оговорки, касающиеся внутреннего права". Как представляется, мнение Комиссии, согласно которому такие оговорки можно формулировать лишь постольку, поскольку они являются совместимыми с объектом и целью договора, ничего не добавляет к общей норме, содержащейся в подпункте с) статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров. К тому же проект руководящего положения 3.1.7, "Неясные или общие оговорки", по-видимому, вообще неуместны, поскольку он скорее касается формы, чем совместимости с объектом и целью договора. По мнению делегации его страны, в подпункте с) статьи 19 Венской конвенции устанавливается основополагающий принцип, и возражения, касающиеся совместимости с объектом и целью договора, не должны считаться подпадающими под временные ограничения, предусмотренные в пункте 5 статьи 20 Конвенции. Поэтому делегация его страны испытывает сомнения относительно целесообразности установления единого режима для принятия оговорок и возражений против них. Некоторые из проектов руководящих положений, предлагаемых в одиннадцатом и двенадцатом докладах Специального докладчика (A/CN.4/574 и A/CN.4/584), должны применяться только по отношению к оговоркам, прошедшим испытание на юридическую действительность.

87. **Г-н Бачуолд** (Соединенные Штаты Америки), касаясь темы оговорок к договорам, говорит, что руководящие положения, приведенные в двенадцатом докладе Специального докладчика (A/CN.4/584), содержат полезный обзор общей договорной практики. Однако отдельные проекты руководящих положений, касающиеся оговорок к учредительным актам международных организаций, в частности, проект руководящего положения 2.8.11, требуют более детального рассмотрения. В целом Соединенные Штаты настороженно относятся к попыткам выйти за рамки положений Венской конвенции о праве международных договоров, например, путем выработки определения объекта и цели договора, поскольку сформулированные в результате этого

положения могут вводить в заблуждение или не найти поддержки в практике государств.

88. Что касается темы общих природных ресурсов, то делегация его страны приветствует недавнее решение Комиссии провести второе чтение проектов статей по праву в отношении трансграничных водоносных горизонтов, не затрагивая проблемы нефти и газа. Работа над вопросом о трансграничных водоносных горизонтах представляет собой важный шаг вперед, поскольку обеспечивает возможную основу для рационального использования и защиты водоносных горизонтов, играющих все более важную роль в качестве источника воды для населения. Тем не менее, еще предстоит очень многое выяснить относительно трансграничных водоносных горизонтов вообще, да и условия вокруг конкретных водоносных горизонтов и связанная с их использованием практика государств варьируют в широких пределах. Кроме того, проекты статей выходят за пределы действующего права и имеющейся практики. По этим причинам делегация его страны продолжает считать, что именно договоренности, учитывающие конкретику ситуации, в отличие от всеобъемлющей рамочной конвенции, являются наиболее разумным способом решения проблем избыточной эксплуатации трансграничных грунтовых вод. Любые конкретные переговоры дают возможность принять в расчет множество факторов, таких как гидрологические характеристики соответствующего водоносного горизонта, текущие способы его использования и прогнозы в отношении его использования в будущем, климатические условия и прогнозы в отношении их изменения, а также соображения экономического, социального и культурного характера. Делегация его страны по-прежнему не убеждена в том, что всеобъемлющий договор получит достаточную поддержку, но признает, что многие государства выразили заинтересованность в таком документе и что проекты статей разрабатывались с прицелом на создание именно такого правового акта. Если Комиссия продолжит работу в этом направлении, необходимо будет также включить в проект заключительные статьи, уместные в международной конвенции, а также дополнительные статьи, устанавливающие соотношение между этой конвенцией и другими двусторонними или региональными соглашениями по данному вопросу. В частности, ей следует проследить, чтобы в конвенцию не были включены положения, отменяющие действующие двусторонние или региональные соглашения или чтобы не была ограничена гибкость

государств в отношении вступления в такие соглашения.

89. Отмечая, что Комиссия распространила вопросник и предлагает государствам сообщить о принятой ими практике в отношении трансграничных месторождений нефти и газа и ответить на вопрос о существовании пробелов в этой области, которые Комиссия могла бы с успехом заполнить, оратор говорит, что хотя делегация его страны и не против сути такого вопросника, в конечном счете, она не поддерживает идею рассмотрения в Комиссии темы трансграничных ресурсов нефти и газа. Государствам великолепно известно, какого рода политические и экономические ставки сопряжены с такими ресурсами, и по этой причине при решении связанных с ними вопросов они не испытывают особой потребности в инструкциях или поощрении со стороны Комиссии. В действительности вопрос о трансграничных месторождениях нефти и газа обычно не служит поводом для реальных конфликтов, а в случае возникновения проблем государствам удается выработать практические решения. Поэтому усилия Комиссии, направленные на то, чтобы выработать нормы обычного международного права на основе противоречивой и не имеющей широкого распространения практики государств, не будут плодотворными.

90. Обращаясь к теме обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование, оратор говорит, что Соединенные Штаты являются стороной целого ряда международных конвенций, в которых предусмотрено такое обязательство. Они рассматривают эти конвенции как важный аспект коллективных усилий, имеющих целью лишить террористов и прочих преступников безопасного убежища. Однако их практика, как и практика других государств, подкрепляет ту точку зрения, что ни обычное международное право, ни практика государств не дают достаточных оснований для формулирования проектов статей, которые выводили бы обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование за рамки обязательных международных правовых инструментов, в которых содержится такое обязательство. Государства принимают на себя подобные обязательства, лишь становясь сторонами имеющих обязательную юридическую силу международных правовых инструментов, содержащих соответствующие положения, и такие обязательства действуют только в отношении других государств, являющихся сторонами этих инструментов, и только в той мере, в какой это предусмотрено такими

инструментами. В противном случае от государств можно было бы требовать выдачи или осуществления судебного преследования соответствующих лиц в условиях, когда они не располагают необходимыми для этого юридическими основаниями, такими как наличие необходимых двусторонних соглашений по вопросам выдачи или юрисдикции в отношении предполагаемого правонарушения.

91. Комиссия предложила правительствам представить информацию об имеющихся у них законодательстве и практике по данной теме. Делегация его страны настоятельно призывает Комиссию назначить достаточный период времени для получения и оценки такой информации. Анализ практики государств будет иметь важное значение для определения дальнейших направлений работы Комиссии. Как было отмечено в докладе Комиссии о работе ее пятьдесят восьмой сессии (A/61/10, п. 229), если обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование существует только на основании международных договоров, разработка проекта статей по данной теме, возможно, была бы неуместна.

Заседание закрывается в 17 ч. 55 м.